

Обзорная статья

УДК 930:572

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.4>

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК СУБДИСЦИПЛИНА И НАПРАВЛЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ВУЗОВСКИЙ ОПЫТ

Тамара Александровна Булыгина^{1*}, Татьяна Евгеньевна Покотилова²

^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, профессор
bul.tamara2011@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1846-9360>

² Доктор исторических наук, профессор
t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1884-2313>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. В первой четверти XXI в. вопрос о гуманизации общества в целом и гуманизации образования в частности вовсе не снят с повестки дня, а стал еще более актуальным. Пришла пора от деклараций и теоретизирования перейти к гуманистическим практикам. В этом, как свидетельствует исследовательский и преподавательский опыт, велика роль исторической антропологии. Ее структура и содержание, методы и целеполагание способствуют не только успешным исследовательским поискам, но и использованию инновационных методов работы, развитию исследовательских навыков обучающихся. В силу того, что историко-антропологический подход имеет междисциплинарную природу, практический вопрос вузовского преподавателя о межпредметных связях в рамках учебных программ и планов приобретает современное звучание. Внимание к судьбе отдельной личности, его повседневной жизни в прошлом актуализирует интерес студентов к предмету «история». Вот почему так важно усвоить будущим историкам сущность и исследовательские практики исторической антропологии. В статье рассматриваются такие вопросы, как причины зарождения этого направления, его особенности на современном этапе исторической науки, развитие исторической антропологии в России, начиная с 1990-х гг.

Ключевые слова: историческая антропология, междисциплинарность, микроистория, история повседневности, новая социальная история, образование, воспитание, исследовательские практики

Для цитирования: Булыгина Т. А., Покотилова Т. Е. Историческая антропология как субдисциплина и направление в исторической науке второй половины XX века: вузовский опыт // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 43–49. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.4>

Конфликт интересов: один из авторов статьи — доктор исторических наук, профессор Булыгина Тамара Александровна является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 13.10.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.01.2024.

Статья принята к публикации: 25.01.2024.

Review article

HISTORICAL ANTHROPOLOGY AS A TRAINING COURSE AND A FIELD IN HISTORICAL SCIENCE OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY: UNIVERSITY EXPERIENCE

Tamara A. Bulygina^{1*}, Tatiana E. Pokotilova²

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

bul.tamara2011@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1846-9360>

² Dr. Sc. (History), Professor

t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1884-2313>

* Corresponding author

Abstract. In the first quarter of the 21st century, the issue of the humanization of society in general and the humanization of education in particular was still on the agenda and became even more relevant. It was time to move from declarations and theorizing to humanistic practices. In this, as evidenced by research and teaching experience, the role of historical anthropology is great. Its structure and content, methods and goal-setting contribute not only to successful research, but also to the use of innovative methods of work and the development of research skills of students. Since the historical and anthropological approach has an interdisciplinary nature, the practical question of a lecturer about interdisciplinary connections within the framework of curricula acquires a modern sound. Attention to the fate of an individual and one's daily life in the past actualizes students' interest in the History course. That is why it is so important for future historians to learn the essence and research practices of historical anthropology. The article examines such issues as the reasons for the origin of this trend, its features at the present stage of historical science, the development of historical anthropology in Russia since the 1990s.

© Булыгина Т. А., Покотилова Т. Е., 2024

Keywords: historical anthropology, interdisciplinarity, micro-history, history of everyday life, new social history, education, upbringing, research practices

For citation: Bulygina TA, Pokotilova TE. Historical anthropology as a training course and a field in historical science of the second half of the 20th century: university experience. *Humanities and law research*. 2024;11(1):43-49. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.4>

Conflict of interest: one of the authors of article — Tamara A. Bulygina, Dr. Sc. (History), Professor, is a member of editorial board of journal "Humanities and law research". The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this manuscript.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 13.10.2023.

The article was approved after reviewing: 18.01.2024.

The article was accepted for publication: 25.01.2024.

Историческая антропология не только способствует дальнейшему формированию новых исследовательских полей исторической науки. Именно это направление участвует в формировании учебно-воспитательных функций историка-преподавателя, включая выработку логичности мышления в условиях цифровой эпохи, навыков исследовательской работы. Историко-антропологическая парадигма может стать опорой в воспитании у обучающихся не только психологической, но и когнитивной эмпатии в профессиональной среде. Способность понимать человека прошлого, сопереживать ему не только меняет угол зрения на исторические события, но развивает эту психологическую модель в отношении окружающих людей.

Обратимся к истокам и сущности исторической антропологии. В эпоху кризиса исторической науки в первой трети XX века, когда национальные истории были дискредитированы военными и социальными катастрофами, а идея бесконечного прогресса вызывала у травмированной Европы раздражение и сарказм, наиболее пытливые историки начали искать человека в историческом прошлом во всем его многообразии и противоречивости. Вот тогда в европейской историографии в 1970-е годы произошел «антропологический поворот», когда историки обратились к исторической антропологии, которая стала метафорой для определения масштабного использования методов антропологии, этнографии и этнологии, культурологии.

В этом повороте просматриваются две характеристики «новой исторической науки». Симптоматично, что сам термин «новая историческая наука» возник в контексте расцвета исторической антропологии 1970-х годов и был изобретен лидерами третьего поколения «Анналов» Пьером Нора и Жаком Ле Гоффом. Во-первых, это понимание исторических процессов изнутри эмоций, идей, горизонтов ожидания, мифов и заблуждений участников и современников изучаемого прошлого. История становилась не столько объясняющим ментором, сколько понимающим собеседником прошлого. Историк становилось важным изучение всех видов социальных практик, а не только познание глобальных процессов и закономерностей [8; 14].

Во-вторых, становилось очевидным, что для успешного современного исторического исследования надо придерживаться принципа междисциплинарности. Трансформация

историографии от классической модели исторического знания к «новой исторической науке» ознаменовался выработкой разнообразных форм междисциплинарного воздействия смежных наук гуманитаристики на историю. В результате современная исследовательская практика историка сегодня немислима без междисциплинарности, начало которому положило внимание к исторической антропологии. Более того, историческая антропология включает в себя многообразие исследовательских полей, которые объединены вниманием к человеку в истории, не только к его действиям, но и мыслям, ожиданиям, заблуждениям, интересам, какие бы направления исследований не рассматривались, будь то экономическая, политическая, социальная или культурная история. Помимо истории повседневности этим отличается и новая экономическая история, и новая политическая история, и новая социальная история, и новая интеллектуальная история, и новая культурная история, и новая локальная история, и новая биографика, военно-историческая антропология. К методу и исследовательской практике историка, входящей в понятие «исторической антропологии», так или иначе относится микроистория. Более того, это направление вбирает в себя поле культурно-интеллектуальной истории, отстаивающее право на существование.

Таким образом, историческая антропология ознаменовала собой качественные перемены в теоретико-методологических основаниях исторического познания. Как писал А. Бюргер, в ходе кризиса исторической науки, исследователи вынуждены были отойти «от галлоцентристского и европоцентристского видения истории, учитывать многообразие культур», что стало ответом на кризис идеи прогресса эпохи модерна. [2]. Историческая антропология стала переходом от классической модели исторического познания к постнеклассической модели. Тот же Андре Бюргер замечал, что историк «перестал быть ученым-пророком...» и обратился к объяснению логики человеческого поведения. По его мнению, «все культурные ценности относительны и понять их можно только в историческом контексте» [2].

Историческая антропология изменила отношение к самому познающему субъекту – историк-исследователю. Из сказанного выше следует, что она не имеет собственной предметной области, но включает широкое

тематическое пространство различных субдисциплин. Важнейшим следствием антропологического поворота в истории стал взгляд на историческую субъективность, в частности на роль историка как на активного участника исторического познания, а не как на пассивного собирателя фактов, послушно следующего за принятой в научном сообществе схемой исторического процесса.

Как исследовательское пространство, историческая антропология не обладает каким-либо специфическим исследовательским методом, а открывает путь к принципиально методологическому плюрализму. По большому счету, ее пространство неизмеримо, т.к. это и не пространство вовсе, а скорее принцип, а также подход. Из этого следует, что и предметная область, и методы исторического познания в каждом конкретном случае определяются и отбираются исследователем, т.е. познающий субъект занимает по отношению к объекту исследования активную позицию. Это, по мнению автора статьи в «Терминологическом словаре», «другое видение истории, соответствующее современному «режиму рациональности» и манифестирующее *историческое мышление*, отличающееся от позитивизма» прежних поколений историков [21, с. 161 – 162]. В свое время директор Дома наук о человеке Морис Эмар замечал российскому ученому, члену-корреспонденту П.Ю. Уварову в декабре 2002 года: «Сегодня трудно найти историка, который не использовал бы методы и достижения исторической антропологии. Но еще труднее найти того, кто отождествляет себя лишь с исторической антропологией» [14]. Таким образом, историческая антропология превращалась в антропологически ориентированную историю, втягивая в круг исследований все новые и новые темы, используя такие еще неведомые принципы, как кроссдисциплинарность, полидисциплинарность, трансдисциплинарность, вкладывая абсолютно новый смысл в такие принципы, как объективность. В итоге, объективность – это не сама истина, а стремление к ней, это освобождение по возможности истории от идеологических пристрастий и социальных заданий на пути поисков научной истины. Ни от того, ни от другого мы изолироваться не можем, т.к. мы сами участники социально-политического движения, да и наука история – о человеке и его взаимоотношениях с обществом и в обществе, но понимать это и

определять целеполагание своего труда как движение к истине мы можем.

В расширительном смысле этого слова к исторической антропологии можно причислить и представителей «истории повседневности» и «истории снизу» в Германии, и сторонников итальянской «микроистории», и многочисленных англоязычных авторов, активно применяющих методы культурной антропологии. Именно такой, расширительный подход к исторической антропологии представлен в учебнике М. М. Крома (2004) [10]. Он, безусловно, имеет полное право на существование, поскольку все вышеперечисленные направления могут быть названы подвидками мощного течения, по-разному называемого в зависимости от обстоятельств – «Новой социальной», «Новой социально-культурной», «Новой культурной» или просто «Новой историей».

Студенты-историки, через знакомство с теоретико-методологическими основаниями исторической науки, включая антропологический поворот и механизм действия исторической антропологии, не столько обновляют исследовательский инструментарий, сколько меняют общий взгляд на историографию, в соответствии с которым расширяются возможности исторического познания. В конечном итоге обогащается понимание истории, а следом обогащается педагогическая практика.

Следует заметить, что идеи исторической антропологии прослеживаются в российской дореволюционной и пореволюционной историографии. К примеру, историк Н.И. Кареев как представитель психологического направления в социологии рассматривал общество как сложную систему практических и психологических взаимодействий личностей, где члены общества вступают в отношения психологического обмена, создавая опыт коллективной психической работы. Этот опыт служит первоначальным камнем сложнейших экономических, юридических и политических отношений. Как сторонник теории П. Лаврова «личности и толпы», он ставил на верхнюю ступень социальной лестницы «людей, самостоятельно задумывающих совокупное действие и выполняющих его лишь при помощи посторонних сил, на нижней же ступени — людей настолько чуждых самому замыслу и настолько лишенных самостоятельности, что без обиняков мы могли бы говорить о них, как об орудиях чужой воли» [6].

Антропологический подход нащупывал и другой ученый А.С. Лаппо-Данилевский, пытаясь преодолеть позитивистское понимание исторического процесса. В соответствии с феноменологией, которая призывает изучать эволюцию самосознания человека и общества как систему ценностей, определяющих поступки, поведение ожидания и заблуждения человека, он рассматривал прошлое как «чужую одушевленность». Как замечает М.Ф. Румянцев: «Целостность общества у Лаппо-Данилевского не конструируется из элементов, а существует изначально и познается на основе единого принципа признания «чужой одушевленности»» [11]. Важным аспектом его научной деятельности была разработка методологии источниковедения, в котором важное место занимает природа источника, которую А.С. Лаппо-Данилевский рассматривает как продукт психической (осознанной) деятельности человека, что, в свою очередь, является элементом культуры. Исследователь «...как бы примеряет наиболее подходящие состояния своего собственного сознания к проанализированному и систематизированному внешнему обнаружению чужой одушевленности, подделывается под нее... Лишь после таких исследований он может перевоспроизвести в себе то именно состояние сознания, которое он считает нужным для надлежащего понимания чужих действий...» [11]. Н менее симптоматичным для становления исторической антропологии были выводы медиевиста, философа и религиозного деятеля Л.П. Карсавина, который считал, что «Предмет истории всегда социально-психическое; и только на основе психического возможен исторический синтез» [7].

В 1970-е годы значимым этапом в развитии антропологически ориентируемой истории стала деятельность третьего поколения «Анналов». Наиболее значимыми именами были Жак Ле Гофф, Марк Ферро, Эммануэль Ле Руа Ладюри [12; 13; 22]. Ж. Ле Гофф расширил представления о ментальности, которая советским историком-медиевистом, соратником «Анналов» А.Я. Гуревичем трактовалась как представления социальной группы людей, их социально-психологические установки и проч., не осознаваемые самими носителями, но влияющими на их поведение и язык. Ле Гофф показал, что изучение ментальности помогает внести в социальную историю живое человеческое начало, т.к. способствует пониманию прошлого общества

как «чужого», «другого» с его воображением, мифами, ожиданиями [12].

Этот период внес в историческую антропологию новые темы исследования, расширив возможности историков. Это изучение детства, любви, семейной жизни, смерти, страха, веры в исторической ретроспективе. Речь идет об истории повседневности, о связанном с ней новом повороте в нарративной истории. [4; 13]. В отличие от этнографии историческая антропология изучает не быт как «долгую» повседневность, а такие категории, как отношение обывателей к происходящим вокруг них событиям или событиям прошлого, восприятие ими времени, пространства, феноменов, влиявших на частное пространство и жизнь внутри него. Именно в обычной повседневности рождаются мысли и чувства, замыслы и ситуации, порождающие творчество как проявление человеческой культуры. Исследователь истории повседневности рассматривает переживания отдельных людей, их эмоциональные реакции на конкретные явления и изменения окружающего их мира, их жизненные проблемы, рожденные миром и самими людьми.

Вместе с тем, тогда же зарождается интерес к истории памяти как оригинальному повороту исторической антропологии [22]. Симптоматично, что у авторов третьего поколения «Анналов» пользовались вниманием работы популярного у структуралистов советского филолога, основателя теории текста В. Я. Проппа, одна из которых была переведена на французский язык в 1970 г. [18], а также книга М. М. Бахтина о Ф. Рабле [1], в котором через комическое представлен мир свободы, в котором неотчужденные человеческие коммуникации представлены диалогическим познанием-общением-деятельностью. Более того, книга историка Б.Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой» [15], занимавшегося исторической психологией, была издана во Франции в 1960 г. и вызвала острую дискуссию «поршневиство» и «антипоршневиство». В последствии Б.Ф. Поршнев создал в Москве семинар по исторической психологии и написал монографию «Социальная психология и история» [16].

В нашей стране историческая антропология была институализирована в 1987 г., когда при Институте всеобщей истории РАН был основан Центр исторической антропологии по инициативе А.Я. Гуревича, а с 1989 г.

базе Центра А. Я. Гуревичем, Ю. Л. Бесмертным и Л. М. Баткиным был создан альманах «Одиссей. Человек в истории». Журнал получил известность в мировом историческом сообществе как глашатай исторической антропологии. Именно в Москве в этом году прошла международная конференция, посвященная юбилею школы «Анналов». Ректор только что возникшего Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) Ю. Н. Афанасьев, на рубеже 1991–1992 годов открыл Российско-французский центр исторической антропологии им. Марка Блока.

Однако следует учесть, что антропологический поворот в истории вовсе не означал некоего единого согласованного учения, которое бы заменило все альтернативные теории. Все чаще стали говорить об «антропологически ориентированной истории»: «Значимым явлением современной мировой, а в последние годы и отечественной историографии, стала разработка нового исследовательского направления – антропологически ориентированной истории, которая проявляет повышенный интерес к человеку в истории, мотивам его поведения, действий, поступков, представлениям, ментальным нормам и ценностям, повседневному бытию, всем формам жизнедеятельности» [5, с. 133]. В ответ на замечания некоторых медиевистов, что это одно и то же, можно возразить, что историческая антропология представляет скорее подход к познанию социальной истории, изменение познавательного пути в историографии, а исторически ориентированная история рассматривает этот подход в различных направлениях исторического знания: новой социальной истории, новой интеллектуальной истории, новой культурной истории, военной истории, новой локальной истории, т. е. в контексте «новой исторической науки». Историки пытаются реконструировать историю рождения и смерти, историю любви и ненависти, историю смены образов красивого и безобразного и проч.

Помимо истории повседневности обратим внимание на другие тематические исследовательские поля, востребованные сегодня. Это новая политическая история, которая рассматривает ментальность и психологию представителей властных и управленческих структур. В то же время стало развиваться изучение представлений о власти, о

ее символике в разных социальных слоях прошлых обществ.

Умение опереться на семиотику позволяет историкам читать символы личной и общественной жизни, т.к., по словам К. Леви Строса, социальная жизнь «засорена символикой». Люди умирают не только от болезней, недоедания и несчастных случаев, но и от ревности, унижения, одиночества, стыда, т.е. от символов страданий, а символы в свою очередь относятся к области антропологического. Историко-антропологический подход характерен для исследований народной религиозности, мифов, фольклора как элементов коллективной жизни людей прежних времен. Изучение ритуалов прошлого помогает хотя бы частично восстановить особенности массового сознания, ценностные ориентиры отдельных групп населения и проч.

Среди этих множественных полей исторического исследования в контексте современности приобретает особое звучание военно-историческая антропология. Ее объект – не столько войны и военная политика, сколько прямые и опосредованные участники военных событий: военные, гражданское население, противник в их сложной взаимосвязи. В контексте антропологически ориентированной истории война и военное время определяются человеческим измерением. В этом направлении особенно активно работает Е.С. Синявская, но имеются и другие антропологически ориентированные исследования [17, с. 118–124].

Существенный вклад в развитие военно-исторической антропологии вносит Международный центр истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», начавший свою работу в 2011 г. Один из участников международной научной конференции этого Центра в марте 2016 г. «Осмысливая прошлое, глядя в будущее: новые направления в изучении истории второй мировой войны» ученый из Саратова выделил такие темы конференции, связанные с антропологической ориентацией, как «образ союзника», «образ антифашиста», формирование «пространства памяти», «женщины и война». Он же обратил внимание на то, что на международной конференции в СКФУ (Ставрополь) в 2014 г. «Культурное измерение войны: Первая мировая война в обра-

зах, в памяти и истории» военно-политические аспекты Первой мировой войны было представлено в 13% докладов и сообщений, тогда как наиболее представительными стали секции «Образы войн в исторической памяти и национальных нарративах» и «Мир человека во время Первой мировой войны». [3, с. 136–150].

Вернемся к начальному тезису нашей статьи. История принадлежит к группе дисциплин, которые рассказывают, как люди живут вместе. [19, с. 5–17]. Поэтому важным определением этой жизни является их идентичность, которая не формулируется человеком в повседневности вербально, но проявляется в образах этой повседневности: одежде, питании, семье, развлечениях, на что направлены подходы исторической антропологии. Обучение истории в студентов неисторического профиля не осталось вне антропологического поворота, т.к. история для неисториков является средством передачи культуры от поколения к поколению с

целью сформировать национальную идентичность. Занятия историей с антропологических позиций формируют гражданскую, национальную и культурную идентичность, вырабатывают взвешенное отношение к «своему» и «другому», не противопоставляя, а понимая, поскольку этому способствует знание исторической имагологии, применительно лежащей в пределах исторической антропологии, вносят существенный вклад в социокультурную систему ценностей молодежи.

Совместная задача историков, где бы они ни работали: в школе, вузе, академическом учреждении, состоит в понимании сущности взаимосвязей между исторической наукой, обществом и культурой. Это позволяет развивать не только строго научный критический подход к изучаемым объектам изучения, но и «повысить роль истории в формировании критического мышления у школьников и студентов» [9].

Литература

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990 (1-е изд.- 1965). 543 с.
2. Бюргер Андре. От серийной к комплексной истории: генезис исторической антропологии. URL: <http://www.history.univ.kiev.ua/rus/kafedra/files/Burgjer.pdf> (дата обращения: 19.11.2023).
3. Гладышев А. В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 136–150.
4. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / пер. с итал. М. Л. Андреева, М. Н. Архангельской. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 272 с.
5. Далгат Ф. М. Историко-антропологический подход в историческом исследовании // Вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Том. 30. Вып. 4. С. 133–140.
6. Кареев Н. И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. Изд-е второе, с добавлениями. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. 574 с.
7. Карсавин Л. П. Философия истории. М.: АСТ, 2007. 99 с.
8. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология: Учебник. М.: Ключ-С, 1998. 192 с.
9. Копосов Н. Е. Как реформировать историческое образование в России // Неприкосновенный запас. 2012. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/5/kak-reformirovat-istoricheskoe-obrazovanie-v-rossii.html> (дата обращения: 19.11.2023).
10. Кром М. Историческая антропология. 3-е изд. испр. и доп. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. 207 с.
11. Лаппо-Данилевский А. С. Методология в 2-х т. Т. 1 М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 408 с.
12. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. под общ. ред. В. А. Бабинцева; послесл. А. Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.
13. Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. 544 с.
14. Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. 504 с.
15. Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. (1623-1648) М.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. 724 с.
16. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история Москва: Наука, 1966. 213 с.
17. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 - март 1918 г.): дисс. ... д-р. ист. наук. Екатеринбург, 2000. 359 с.

18. Пропп В. Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. 168 с.
19. Репина Л. П. Междисциплинарность и история // Диалог со временем. 2004. № 11. С. 7–15.
20. Румянцева М. Ф. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Лаппо-Данилевский А. С. Методология в 2-х т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 408 с.
21. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
22. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / пер. с фр. Е. Лебедевой. М.: Книжный клуб 36.6, 2010. 480 с.

References

1. Bakhtin MM. The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1990 (1st ed.- 1965). 543 p. (In Russ.).
2. Burghier Andre. From serial to complex History: the genesis of Historical anthropology. Avialable from: <http://www.history.univ.kiev.ua/rus/kafedra/files/Burgjer.pdf> (accessed: 11.19.2023). (In Russ.).
3. Gladyshev AV. The anthropological turn in military history. Dialog so vremenem. 2017;59:136-150. (In Russ.).
4. Ginzburg K. Cheese and worms. A picture of the world of a miller who lived in the XVI century / translated from Italian by M L Andreev, M N Arkhangelskaya. Moscow: ROSSPEN; 2000. 272 p. (In Russ.).
5. Dalgat FM. Historical and anthropological approach in historical research. Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015;30;4:133-140. (In Russ.).
6. Kareev NI. The essence of the historical process and the role of personality in history. Second edition, with additions. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Printing House; 1914. 574 p. (In Russ.).
7. 7.Karsavin LP. Philosophy of history. Moscow: AST, 2007. 99 p. (In Russ.).
8. Kozlova N N. Socio-historical anthropology: Textbook. Moscow: Klyuch-S; 1998. 192 p. (In Russ.).
9. Koposov NE. How to reform historical education in Russia. Avialable from: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/5/kak-reformirovat-istoricheskoe-obrazovanie-v-rossii.html> (accessed: 11.19.2023). (In Russ.).
10. Krom M. Historical anthropology. 3rd ed. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg; 2010. 207 p. (In Russ.).
11. Lappo-Danilevsky A S. Methodology. In 2 Vols. Volume 1. Moscow: ROSSPEN; 2010. 408 p. (In Russ.).
12. Le Goff J. The civilization of the medieval West / trans. from French under the general editorship of VA Babintsev; afterword by A. Ya. Gurevich. Yekaterinburg: U-Factoriya; 2005. 560 p. (In Russ.).
13. Le Roy Ladurie E. Montaillou, Occitan village (1294-1324). Yekaterinburg: Ural University Press; 2001. 544 p. (In Russ.).
14. Theory and methodology of history: textbook for universities / ed. by VV Alekseev, NN Kradin, AV Koro-taev, LE Grinin. Volgograd: Uchitel; 2014. 504 p. (In Russ.).
15. Porshnev BF. Popular uprisings in France before the Fronde. (1623-1648) Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1948. 724 p. (In Russ.).
16. Porshnev BF. Social psychology and history Moscow: Nauka; 1966. 213 p. (In Russ.).
17. Porshneva OS. Mentality and social behavior of workers, peasants and soldiers of Russia during the First World War (1914 - March 1918): thesis. Yekaterinburg; 2000. 359 p. (In Russ.).
18. Propp VYa. Morphology of a fairy tale. 2nd edition. Moscow: The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka"; 1969. 168 p. (In Russ.).
19. Repina LP. Interdisciplinarity and history. Dialog so vremenem. 2004;11:7-15. (In Russ.).
20. Rumyantseva MF. Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky in Lappo-Danilevsky A. S. Methodology. In 2 Vols. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN; 2010. 408 p. (In Russ.).
21. Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary / ed. by AO Chubaryan. Moscow: Aquilon; 2014. 576 p. (In Russ.).
22. Ferro M. How to tell a story to children in different countries of the world / translated from the French by E. Lebedeva. Moscow: Knizhnyy klub; 36.6. 2010. 480 p. (In Russ.).